

Мир или война? Ни мир и ни война?

Вниманию читателей предлагается серия публикаций профессора А. И. Подберёзкина, посвящённых актуальной проблеме – силовому противоборству государств. Обострение отношений между Россией и странами Запада, инициатива В. В. Путина в декабре 2021 г. о переговорах по гарантиям безопасности России в связи с расширением НАТО на Восток с усилением военно-силовой составляющей усугубили существующую десятилетиями проблему.

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Топограф, даже турист, если хотите, имеет перед своим взором более широкую перспективу и может составить общее представление о местности, в то время как шахтёр видит только забой, в котором он работает.

Б. Г. Лиддел Гарт, военный теоретик

Анализ состояния и перспектив развития стратегического планирования в области обеспечения безопасности в России должен идти, как рекомендует метод дедукции, от общего к частному. В данном случае от характера и особенностей развития международной и военно-политической обстановки к стратегии государств, выбору наиболее эффективных силовых

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezhkin@gmail.com

Ключевые слова: стратегия, субъекты ВПО, национальная безопасность, идеология, НКО, СМИ.

средств и способов её реализации. Именно поэтому нужно уметь «смотреть за горизонт», а не ограничиваться констатацией (нередко с опозданием) современных реалий.

Нужен очень большой, цивилизационный, «горизонт планирования», прежде всего потому, что (как справедливо считает, например, известный специалист в области стратегии Д. Малкан), чем выше на политической лестнице стоит тот или иной деятель или чиновник, тем меньше его горизонт прогноза и планирования.

Если учёный может «заглянуть за горизонт» в 25–50 лет, конструктор, разработчик, специалист в области военной техники обязан это делать как минимум на 15–20 лет вперёд*, директор предприятия или фирмы – на 3–5 лет, то министр – на один, в лучшем случае на два года (до следующего назначения премьера и президента), а вице-премьеры и премьер – на 6–9 месяцев.

Это хорошо видно на российских примерах, когда политики не задумывались даже о среднесрочных последствиях принимавшихся ими решений. Иначе М. Горбачёв никогда бы не проводил такую бездарную внешнюю политику, а Б. Ельцин не продолжал бы ещё более бездарную и недальновидную политику в области безопасности, которая привела в итоге к развалу СССР и ОВД и расширению НАТО до границ с центральным районом России.

Современные реалии

Налицо – очевидное противоречие интересов. Но не только.

Налицо, как правило, и личная неспособность к стратегическому прогнозу, нередко простая, даже примитивная неадекватность, которая очевидно присутствует не только у представителей российской власти, но и особенно у российских политологов, которые могут, например, годами (как на протяжении восьми лет в Российский совет по международным делам – РСМД) обсуждать на конференциях повестку

дня с «международными неопределённостями» или очередными «глобальными трендами».

В отличие от российских «экспертов-политологов», которые каждый раз задним числом комментируют происходящие события**, в США сохранилась не только серьёзная школа дипломатии, но и школа политического прогнозирования.

Примечательно, например, в этом смысле письмо, написанное американским послом в Москве У. Бёрнсом госсекретарю США К. Райс с оценкой

* Типичным прогнозом военной политики России, например, является прогноз РЭНД на 20 лет (Rabin, A., Davis L., Geist E., Yan E. The Future of the Russian Military. Report. RAND Corporation, 2019. P. 90).

** Поразительно, как безответственность политиков распространилась в России на безответственность наших многочисленных вполне преуспевающих политологов (достаточно почтить их биографии), которые за последние 30 лет успели сделать карьеру в КПСС, при М. Горбачёве, при Б. Ельцине, а теперь уже и при В. Путине, каждый раз оказываясь «правыми» в своих оценках и прогнозах.

перспектив российско-американских отношений ещё в феврале 2008 г.: «Следующие несколько месяцев, – писал посол Соединенных Штатах Америки, – будут иметь решающее значение для наших отношений. Три направления нашей политики чрезвычайны катастрофическими последствиями. Это *проблема Косово, План действий по подготовке к членству в НАТО для Украины и Грузии и развёртывание систем ПРО*» [1].

Эти три проблемы были указаны американским дипломатом в феврале 2008 г., а их актуальность сохранилась до настоящего времени.

Достаточно напомнить об очередном украинском кризисе осени-зимы 2021–2022 гг., когда в ЕС и США вновь была поднята проблема возможности вступления Украины и Грузии в НАТО, а Россия предложила план, гарантирующий её безопасность, который предусматривал отказ от вступления этих стран в блок.

Тем важнее сегодня максимально точно и честно дать характеристику особенностям силовой политики Запада и спрогнозировать её наиболее вероятное развитие.

Точность этой оценки начинается с признания того, что **политика Запада в отношении России может быть только силовой, военно-силовой и просто военной, но никак не партнёрской, а тем более дружественной** (как настойчиво до сих пор пытаются убедить

нас некоторые политики и политики). Она всегда таковой была в прошлом и всегда таковой будет в будущем, даже в тех случаях, когда подписываются соглашения о сотрудничестве.

В этом смысле важна оценка и прогноз конкретного, наиболее вероятного сценария развития международной и военно-политической обстановки в мире, который является отправной точкой любого рассуждения о современной стратегии и стратегическом планировании России [2].

В нашем случае такая оценка и прогноз были сделаны ещё в 2014 г., когда был обоснован в качестве наиболее вероятного сценария сценарий «Военно-силовой эскалации» в наиболее вероятном варианте «регионального» развития [3].

Таким образом, всегда стратегическое планирование должно исходить из долгосрочных интересов России – от цивилизационно-культурных (в том числе демографических) и идеологических ценностей к социально-экономическим интересам и ценностям, а затем к ценностям собственно военной безопасности. Поэтому стратегическое планирование в области военной безопасности начинается с планирования политики национальной безопасности, а та – с формулирования культурно-цивилизационной стратегии государства, в которой обозначены национальные

¹ Бёрнс У. Невидимая сила: Как работает американская дипломатия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2021.

² Подберёзкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В. [и др.]. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: анализ. доклад. М.: МГИМО-Университет, 2014.

³ Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018.

приоритеты и ценности [4, 5]. Стратегические (национальные – демографические и цивилизационные) ценности, а не «демократические», «человеческие», тем более либеральные ценности лежат в основе стратегического планирования, а остальные становятся частными задачами и относятся к средствам и способам достижения стратегических результатов.

Подобный подход не популярен среди современных политиков и политологов, хотя ему уже как минимум несколько столетий. Среди политиков – потому что они думают, как бы дожить до конца года в кресле, а политологов – как бы угождать таким политикам. Интересно, что многократно критикуемый И. В. Сталин ещё в своих лекциях «Об основах ленинизма» в части 7, посвящённой стратегии и тактике (апрель 1924 г.), писал достаточно подробно об особенностях политической стратегии и тактики [6]. В дальнейшем советские и российские руководители (в отличие от И. В. Сталина) не интересовались проблемами политической стратегии и тактики, а зря. Как минимум М. Горбачёв и последующие «начальники» озадачились бы вопросами планирования этапов реализации стратегии, её ресурсами, соотношением тактики и стратегии, значением стратегического руководства и др., т. е. вопросами, которые освещались И. В. Сталиным ещё в 1924 г.

В основе национальной стратегии и планирования изначально, таким образом, лежит комплекс объективно существующих внешних условий, в которых развивается государство, особенно если речь идёт о государствах-цивилизациях, таких как Китай, США, Россия, Индия и некоторые другие. Сочетание (борьба и противодействие) отношений между этими субъектами определяет тот или иной сценарий развития международных отношений (МО), а тот, в свою очередь, – сценарий военно-политической обстановки (ВПО) и её конкретный вариант.

Так, современный сценарий развития МО во многом характеризуется отношениями России с США (Западом), которые фактически сводятся к эскалации силового давления при одновременном стремлении сохранить контроль над ней. Очень точно это положение охарактеризовал видный дипломат С. И. Кисляк: «Нынешнее состояние двусторонних отношений позволяет говорить разве что об “отсутствии дальнейшего обвала”, хотя по нынешним временам и это само по себе уже неплохо. Это не стабилизация, потому что в принципе сохраняется ситуация, при которой большая или маленькая провокация может привести к серьёзным осложнениям. Стабилизация в моём понимании – это когда есть встроенные или взращённые стабилизаторы. А вот их пока нет». Зато, на его взгляд, налицо «нарас-

⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности» // URL: <https://cdning.rg.ru/pril/article/212/57/79/0001202107030001.pdf>

⁵ Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/67074>

⁶ Сталин И. Вопросы ленинизма. Издательство одиннадцатое. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 54–65.

таящая агрессивная нахрапистость» Вашингтона. «В принципе, наверное, самое отвратительное – это то, что американцы через натовские структуры продолжают осваивать территорию у наших границ. К сожалению, нового в этом мало. Разве что, может, интенсивность и показушность усиливаются» [7].

Таким образом, логика развития того или иного сценария ВПО вытекает из логики развития конкретного сценария МО (нередко даже конкретных вариантов) [8], а та, в свою очередь, во многом вытекает из логики отношений крупнейших локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ)*. Игнорировать такую прямую зависимость, надеясь в очередной раз на «партнёров», – ошибка. Силовое противоборство неизбежно, и бессмысленно думать, что его какими-то способами удастся избежать, как на это рассчитывают некоторые представители политической элиты и «науки» в России [9]. Можно только капитулировать или пойти на тяжёлые условия оппонентов (что, кстати, совершенно допустимо с точки зрения этих коллаборационистов и компрадоров в России). Поэтому вопрос стоит только о том, какими силами и средствами будет осуществлена в дальнейшем политика силового давления и какие

силы и средства нужны для её противодействия. Иначе говоря, силовое и бескомпромиссное противоборство на цивилизационном уровне России с Западом неизбежно [10].

К сожалению, этот аспект формирования МО–ВПО нередко (уверен, сознательно со времён М. Горбачёва) выпускается из виду, хотя ещё в XX в. С. Хантингтон и другие авторитетные авторы убедительно доказали его значение. Примечательно, что и сегодня нередко в беседах и заявлениях политиков значение нарастающего цивилизационного противоборства нехотя признаётся, но не акцентируется. Без этого, например, невозможно понять современную «коалиционно-демократическую» политику США, или новую внешнюю политику Китая, или вскоре ожидаемую новую политику Индии.

Конец 2021 г. стал своего рода этапом в развитии цивилизационного противоборства: осенний пленум ЦК КПК озвучил некоторые внешнеполитические идеи, стоящие перед Китайской Народной Республикой в цивилизационном плане, а Дж. Байден стал активно формировать прозападную «демократическую» коалицию, противостоящую «авторитарным» режимам на цивилизационной основе.

⁷ Цит. по: Шумов А. Отношения с США: слякоть, а не оттепель // ТАСС. 2021. 15 ноября // URL: <https://tass.ru/opinions/12923969?from=teaser>

⁸ Подберёзкин А. И., Александров М. В., Харкевич М. В. [и др.]. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. М.: МГИМО-Университет, 2018.

⁹ Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. Оценка и прогноз развития стратегической обстановки и военной политики России. М.: Юстицинформ, 2021.

¹⁰ Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетейя, 2019.

* Локальная человеческая цивилизация – определённая часть человеческого сообщества, проживающая на конкретной территории, объединённая общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

В ряде работ [11], исходя из метода дедукции, показано, как отношения между ЛЧЦ во многом определяют отношения между субъектами и акторами в мире при формировании конкретного сценария развития МО–ВПО (и последующей их конкретизации в стратегической обстановке – СО) [3].

Так, в последнее время одним из проявлений этой логики стал пленум ЦК КПК, на котором именно китайской цивилизации было уделено специальное внимание.

Как пишет китаист А. В. Лукин, «речь идёт о закреплении идеи, что в Китае создана новая цивилизация, более совершенная, чем все прочие».

Сформулированная в краткой форме в принятом по итогам пленума коммюнике, эта любопытная мысль звучит так: «Под руководством КПК китайский народ успешно открыл китайский путь модернизации, создал новую форму человеческой цивилизации, проложил развивающимся странам новые пути к модернизации... [КПК] создала новую форму человеческой цивилизации, открыла развивающимся странам новые пути к модернизации, предоставила совершенно новые альтернативы странам и нациям, стремящимся ускорить своё развитие и желающим сохранить собственную независимость» [12].

Таким образом, на цивилизационном уровне существования крупнейших цивилизаций – западной, китайской, а также (менее явно) исламской и индийской – появились

центры силы: культурно-духовной, экономической, информационной, на базе которых формируются военно-политические коалиции и субъекты.

Это – главная характерная черта современной МО–ВПО, особенностью которой является эволюция из силовой, преимущественно политико-дипломатической формы взаимоотношений субъектов в военно-силовую и военную, когда Запад, например, открыто и публично говорит о силовом противоборстве с теми, кто не согласен с его системой ценностей, правилами (нередко даже несформулированными) и нормами.

Иными словами, на самом «верхнем» уровне формирования МО–ВПО (отношений между ЛЧЦ) в 2021 г. стали заметны радикальные изменения, которые нашли прямое отражение в Стратегии национальной безопасности России, которая в редакции 2021 г. зафиксировала эту особенность. До этого В. В. Путин коротко упоминал, что противоборство в мире приобретает характер междоцивилизационного противоборства, которое ставит вопрос о самом существовании российской нации. Одним из последствий этого стала фиксация в новой редакции СНБ [4] и принятых позже Основах стратегического планирования в Российской Федерации [5] взаимозависимости задач социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны.

Сказанное требует, чтобы стратегия России, способная решить зада-

¹¹ Подберёзкин А. И. [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии М.: Международные отношения, 2017.

¹² Лукин А. В. Коммунистический Китай – новая цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2021. 23 ноября // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kommunisticheskij-kitaj/>

чу выживания нации, была максимально полно осуществлена в минимальные сроки, т. е. был фактически создан отсутствующий сегодня эффективный механизм реализации национальной стратегии, а сама стратегия своевременно корректировалась и оценивалась, как и её исполнители, исходя из долгосрочных национально-цивилизационных особенностей развития России и со-

держания современного этапа в развитии конкретного варианта того или иного сценария МО–ВПО.

Именно характер современной МО–ВПО предопределяет будущие внешние условия для развития и обеспечения безопасности России, что, в свою очередь, требует более точной и определённой оценки особенностей, формирующих эти условия, и самих условий.

Средства войны

Война ведётся не только на вооружённом фронте, но и на классовом и экономическом фронтах.

А. Свечин, выдающийся военный теоретик

Для «внешних условий», в которых существует та или иная нация и государство, очень широкий набор характеристик. Их нельзя сводить к простой констатации: «война» или «мир», что, как уже признано, слишком простое описание состояния МО–ВПО. Кроме этого, могут быть и такие состояния, как и «война и мир» или «не война и не мир», которые требуют более детализированных описаний.

Так, в отношении России и Украины в 2014 г. нельзя было сказать, что была война (хотя иногда на Украине такие оценки и прорывались). Определённо было состояние «мира» – дипломатические отношения, торговля и другие атрибуты полностью присутствовали. Но в то же самое время были и провокации, даже акты террора и про-

чие действия, характерные для состояния «войны».

Таким образом, можно признать, что не было «войны», но не было и «мира», что означало незавершённость, незаконченность, не было определённости отношений, которая вполне устраивала Украину, игнорировавшую переговоры в Минске, но вынужденно принимавшуюся Россией, которая была поставлена в положение цугцванга*, когда каждое действие ухудшало её положение на протяжении 2014–2021 гг. Инициатива 14 декабря 2021 г. стала, по сути, первой инициативой не только в отношении с Украиной, но и вообще в отношениях с Западом, к которому существовал принцип «ответных» действий.

Иначе говоря, наша «реактивная» стратегия ответных шагов во внешней политике 2014–2021 гг. себя

* Цугцванг – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведёт к ухудшению его позиции.

оправдывала только в тех случаях, когда мы «вынужденно» переходили к активным мероприятиям, как, например, в случае с Крымом или с помощью Луганской и Донецкой народных республикам. В условиях, когда МО–ВПО характеризуется «формулой Л. Троцкого» – «ни мира, ни войны» – внешняя политика России всегда будет уступать Западу. Прежде всего потому, что соответствующих силовых средств: экономических, информационных, институциональных и иных у России будет намного меньше, чем даже соотношение экономических и военных сил.

В дополнение к тому, что сказал А. А. Свечин, в настоящее время можно добавить, что война в третьем десятилетии нашего века ведётся прежде всего на уровне информационно-когнитивном, ценностном и понятийном и только потом – на политическом, экономическом и военном. Тем не менее прогнозам и оценкам собственно военной мощи по-прежнему уделяется внимание [13].

В настоящее время характер силового противоборства серьёзно изменился по сравнению с 20-ми годами XX в., когда писал А. А. Свечин, в частности, стёрлась грань между войной и «не войной» (силовым противоборством), но суть войны оста-

лась прежней. Как и суть стратегического планирования и подготовки к вооружённому противоборству.

Стратегическое планирование развития вооружённых сил (ВС) и вооружения, военной и специализированной техники (ВВСТ), а также оборонно-промышленного комплекса (НИР, ОКР и промышленных мощностей) является постоянной и наиболее актуальной проблемой политики и национальной стратегии всех государств [14] как в области социально-экономической сферы, так и безопасности государства. В этом смысле проблемы эффективного обеспечения безопасности носят универсальный характер для всех государств*.

Именно в 2021 г. на тесную взаимосвязь между социально-экономическим развитием и безопасностью неоднократно указывал российский президент В. В. Путин, который политически и законодательно выступает «главным координатором» в этих двух областях. Неслучайно в России именно в 2021 г. появились два документа – Указы Президента России, посвящённые стратегии и стратегическому планированию [4, 5], которые подтвердили эту взаимосвязь и должны стать не только политической, методологической и информационной основой, но главное – базой для создания меха-

¹³ Rabin, A., Davis L., Geist E., Yan E. The Future of the Russian Military. Report. RAND Corporation, 2019. P. 90.

¹⁴ Алексашин А. А., Гарбук С. В., Губинский А. М. Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. М.: Издательство Московского университета, 2011.

* Стратегическое планирование – деятельность участников и органов стратегического планирования по разработке целеполагания, прогнозированию, планированию и программированию, а также реализации основных направлений деятельности правительства и федеральных органов исполнительной власти и планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

низма реализации идей стратегического планирования*.

Такие механизмы предполагалось создать на всех основных девяти приоритетных стратегических направлениях, которые конкретно обозначены в новой редакции Стратегии национальной безопасности (ст. 26 Указа), а именно в виде комплексных стратегий, предполагающих не только обозначение стратегических целей, но и мер по их реализации. Нетрудно увидеть, что их достижение во многом зависит от внешних условий, в частности:

- сбережение народа России и развитие человеческого потенциала [15];
- оборона страны;
- государственная общественная безопасность;
- информационная безопасность;
- экономическая безопасность;
- научно-техническое развитие;
- экологическая безопасность;
- защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Перечень приоритетов и то место, которое уделяется каждому из них, говорит о многом. Главный приоритет – развитие нации и человеческого потенциала – на первом месте, как

и должно было быть давно (как минимум с 90-х годов прошлого века). Это самое важное место среди других приоритетов. Следующие приоритеты – приоритеты в области безопасности, т. е. приоритеты обеспечения сохранения нации и государства, тоже занимают именно ту позицию, которую они должны были занимать, не уступая по своему значению придуманным искусственным приоритетам «демократии», «международного права», «правам человека» и прочим ценностям, которые искусственно насаждались в общественном сознании, политической жизни и экономике со времён Горбачёва.

Обращает внимание то, что наконец-то национальные ценности не только нормативно обозначены, но и заняли достойное место среди других приоритетов. Так, впервые в качестве приоритета появилась система традиционных нравственных ценностей, а приоритет международного сотрудничества (которому при Горбачёве и Ельцине уделялось самое важное значение, даже «самоценное» значение) стал характеризоваться определением «взаимовыгодное».

Очень символическим примером этого стало, в частности, выступление В. В. Путина 18 ноября 2021 г. на расширенном заседании коллегии МИД** (посвящённом разработке нового варианта концепции

¹⁵ Подберёзкин А. И., Родионов О. Е. Институты развития национального человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель–Observer. 2021. № 7.

* На этот важнейший приоритет В. В. Путин обратил специальное внимание в ходе ежегодной пресс-конференции 23 декабря 2021 г.

** В. В. Путин, в частности, подтвердил на коллегии, что «конкретные направления внешне-политической, дипломатической работы в нынешних непростых реалиях международной обстановки отфиксируем и в готовящейся новой редакции Концепции внешней политики. Этот документ – наряду с утверждённой летом Стратегией национальной безопасности – по сути, будет являться “дорожной картой” для МИД и других министерств и ведомств» (<http://kremlin.ru/events/president/news/67123>).

внешней политики) по вопросам безопасности и позже (но в тот же день) по вопросам социально-экономического развития [16].

К сожалению, эти официальные признания и решения несут в себе очевидно запоздалый импульс. На протяжении последних 30 лет, а до этого ещё и при существовании прежней партийно-хозяйственной системы, нарастало отставание, которое необходимо срочно ликвидировать. В первые годы правления администрации В. В. Путина эта задача стояла вполне чётко как задача «удвоения ВВП», т. е. роста

ВВП не менее 7% в год, что удавалось какое-то время делать (до 2008 г.) за счёт количественного, экстенсивного роста, а не за счёт ускоренного развития национального человеческого капитала. В итоге это привело к стагнации и стагфляции, которая выглядит особенно опасной на фоне быстрого роста и развития США и КНР. Если доля США в мировом ВВП и сократилась при сохранении абсолютно-го темпа роста, то КНР и целый ряд других стран продемонстрировали способность радикально изменить соотношение сил в мире (рис. 1).

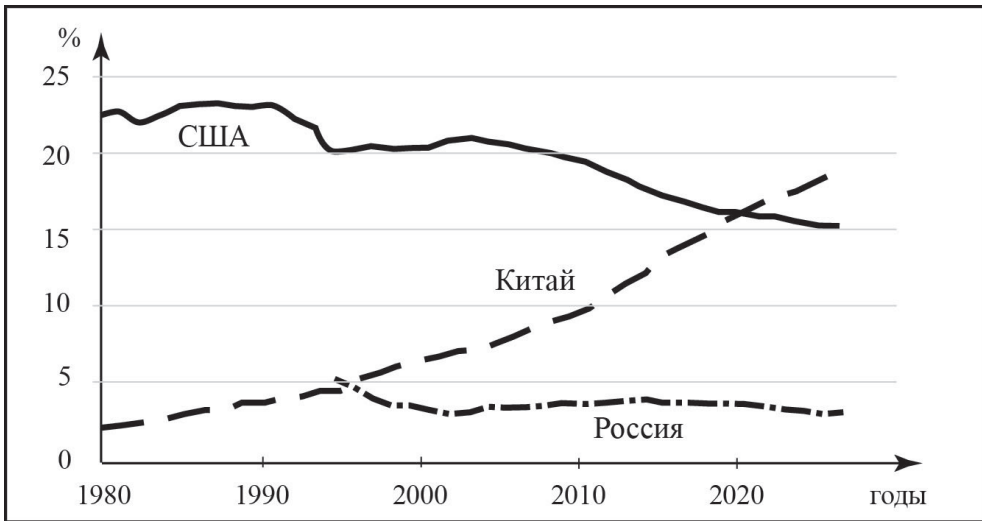

Рис. 1. Доля ВВП (с учётом ППС) России, Китая и США в мировом ВВП, %
Источники: IMF, World Economic Outlook Database

В 2021 г. принятие новой редакции СНБ и Основ стратегического планирования создало принципиальную основу, которая должна:

- конкретизироваться в других важнейших нормативных документах;
- послужить основанием для создания механизмов реализации стратегии.

¹⁶ Путин В. В. Совещание по социальным вопросам. 18 ноября 2021 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67124>

С точки зрения обеспечения политики силовыми инструментами эти решения означают, что создание институтов развития, прежде всего институтов развития национального человеческого капитала (НЧК), выступает одновременно в нескольких качествах, а именно как создание:

- наиболее эффективных институтов социально-экономического развития;

- инструментов силовой политики обеспечения безопасности;

- инструментов противодействия силовым институтам внешней политики зарубежных стран.

Подобная универсальность, кроме того, гарантирует максимально эффективное использование национальных ресурсов – человеческих, духовных, научных, материальных.

Так, например, основание новых научных школ не только отвечает полностью первому условию (ускорению развития), но и гарантирует военно-технологическую безопасность, а также эффективное противодействие попыткам внешнего силового давления.

Создание комплексов С-400, например, стало мощным импульсом для научно-технологического и промышленного развития, обеспечило наиболее эффективно военную безопасность практически по всему периметру границ России, но одновременно стало мощным внешнеполитическим инструментом влияния и фактором в отношениях с Китаем, Индией, Турцией и даже Саудовской Аравией.

Таким образом, В. В. Путин в 2021 г. подчеркнул практическую

обязательность механизма взаимосвязи развития и обеспечения безопасности конкретным примером своей деятельности «главного координатора», зафиксированной в Стратегии национальной безопасности и Основах стратегического планирования [4, 5]. Можно сказать, что эта основа – сочетание сильного государства и благополучия граждан – стала своего рода идеологией В. В. Путина, некоей системообразующей во взглядах в отличие от хаоса предыдущих десятилетий.

Этот синтез – равновесие между безопасностью государства и приоритетами его развития – до сих пор не удавалось разрешить ни одному руководителю Российского государства или политику, которые были вынуждены выбирать между «маслом» (развитием) и «пушками» (безопасностью).

Так, Пётр I, по свидетельству наших историков, до 90% бюджета тратил на армию и флот, который даже в мирное время был не ниже 80%.

СССР, по разным оценкам, от 8 до 15% ВВП тратил на военные расходы, а современная Россия – от 3,6 до 4,5% ВВП и порядка трети бюджета (на оборону 3,5 трлн руб. и национальную безопасность 2,79, т. е. порядка 7,2 трлн руб. по сравнению с 5,8 трлн (порядка 25% бюджета) на социальные цели), т. е. на оборону и безопасность порядка 30%, а на социальные нужды – 25%.

Проект бюджета России на 2022 г. предполагал сохранение этих параметров, которые отражают баланс между приоритетами развития и безопасности [17].

Подобное «идеологическое» требование противоречит политике по-

¹⁷ Что нужно знать о проекте бюджета РФ на 2022 год // ТАСС. 2021. 28 октября // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12473723>

литического прагматизма, который де-факто определяет современную внешнюю и внутреннюю политику страны с той лишь разницей, что С. В. Лавров его признаёт открыто, а В. В. Путин маскирует защитой национальных ценностей. Политический прагматизм в современной России – политический принцип, в основе которого лежит следующая максима: «Примем во внимание, какой практический эффект может быть связан с данным объектом, и наше понимание этого объекта будет состоять в совокупности наших знаний о его практических приложениях».

Откровенный политический цинизм такой политики требует абсолютного конформизма от политиков и экспертов, что в итоге неизбежно заканчивается в той или иной степени катастрофой, потому что ограничен краткосрочными интересами и потребностями. Этот принцип отрицает необходимость концептуализма и стратегического планирования, ограничивая деятельность сиюминутным «прагматическим результатом», который характерен для поведения современной российской правящей элиты. Отрицание идеологии служит оправданием цинизма и беспринципности [8].

В России происходит процесс медленного изменения отношения к стратегическому планированию в области безопасности, когда учитываются уже не только военно-технические факторы и экономическая мощь. Во всяком случае, в Минобороны, Генштабе и Военной академии Генштаба в последние годы проходили постоянно многочисленные совещания

и круглые столы, где делался акцент на невоенных силовых инструментах политики. Точка зрения на необходимость усиления невоенных элементов силовой политики постепенно стала общепринятой в центрах политического и военного планирования России к 2020–2021 гг.

Осознание новых политических и военных реалий шло достаточно медленно. Это хорошо было видно на эволюции военно-теоретической мысли, в частности, проявляясь в материалах ежегодных конференций Академии военных наук.

Стратегическое планирование в области военной безопасности традиционно ориентировано на отражение внешних военных угроз, что ограничивает не только понимание современной безопасности, но и представление о средствах и способах обеспечения безопасности силовыми – военными и невоенными – мерами и средствами.

В настоящее время, однако, нельзя упрощать и сводить всё влияние и мощь государств в мире к военной силе, которая составляет только часть мощи и влияния государства. Существует множество попыток оценить мощь государства и значение военной силы тех или иных стран, в том числе интегральных и агрегированных. Одна из таких попыток представлена в табл. и на рис. 2 и 3, на которых отчётливо видно, что по интегральному показателю национальной силы за 2010–2018 гг. шло выравнивание между США и КНР. За эти же годы относительная мощь Германии и России несколько сократилась, а Индии, наоборот, выросла.

Интегральные показатели национальной силы для 10 стран-лидеров [18]

Страны	По годам:								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Китай	12,86	13,38	14,04	14,66	14,94	15,75	15,60	15,92	16,26
США	17,51	17,02	16,77	16,14	15,95	16,33	16,30	15,90	16,02
Индия	4,79	4,84	4,83	4,89	4,99	5,09	5,20	5,36	5,42
Россия	5,19	5,24	5,33	5,40	5,28	5,07	5,14	5,14	5,05
Германия	4,33	4,39	4,30	4,20	4,23	4,13	4,22	4,10	4,15
Франция	3,25	3,23	3,15	3,12	3,13	3,03	3,06	3,03	3,05
Япония	3,50	3,41	3,33	2,95	2,83	2,76	2,84	2,77	2,70
Бразилия	2,65	2,65	2,61	2,60	2,57	2,43	2,39	2,42	2,37
Республика Корея	1,86	1,79	1,76	1,84	1,90	1,96	1,91	2,07	2,22
Италия	2,21	2,22	2,11	2,06	2,03	1,97	2,02	2,01	2,00
Суммарный индекс для 10 стран	58,16	58,17	58,21	57,86	57,84	58,53	58,69	58,73	59,25

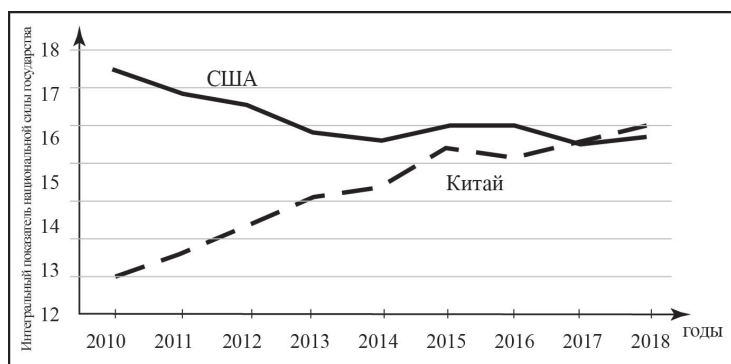

Рис. 2. Интегральные показатели национальной силы США и Китая

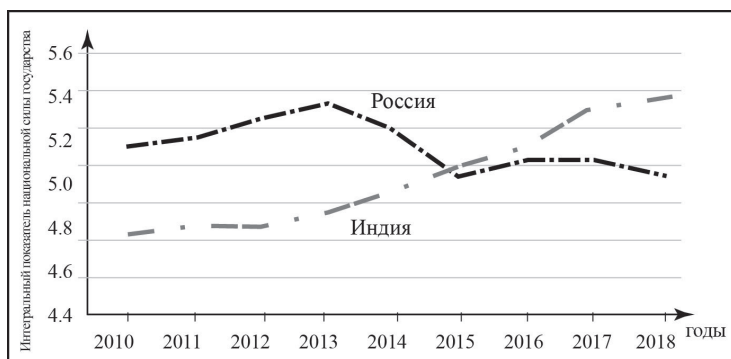

Рис. 3. Интегральные показатели национальной силы России и Индии

¹⁸ Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Ильин Н. И., Сушко Е. Д. Моделирование и оценка национальной безопасности России // Экономические стратегии. 2020. Т. 2. № 5.

Как видно из приведённых данных, агрегированный показатель силы государств не является тождественным возможностям вооружённых сил и военно-промышленной мощи. Это означает, что, развивая возможности вооружённых сил и оборонно-промышленного комплекса, необходимо исходить в том числе (а может быть, прежде всего) из потребностей социально-экономического развития нации и государства, что было подчёркнуто в новой редакции Стратегии национальной безопасности России в июле 2021 г. [5]. Кстати, военная политика последних лет России тоже демонстрирует, что, несмотря на быстрое восстановление ОПК и ВС, поступление новых видов и систем ВВСТ, общие военные расходы бюджета страны не увеличиваются. Их абсолютная и относительная величина остаётся прежней и планируется, как следует из проекта бюджета России на три года (2022–2024 гг.) в том же объёме.

Этот вывод в возрастающей степени относится и к последним двум десятилетиям, когда стремительно развивался потенциал силовых, но не военных средств и способов* внешнего влияния. Поэтому политика обеспечения военной безопасности России в современный период – как в области строительства вооружённых сил, так и военной промышленности – должна быть

направлена на ускорение национального социально-экономического развития, а именно:

- иметь долгосрочный цивилизационный, научный, культурный и образовательный характер (ориентированный на систему национальных ценностей);

- сменить оборонительную стратегию в области национальной безопасности на наступательную (совсем не обязательно военную) [19].

Так, в бюджете на 2022–2024 гг. (утверждён осенью 2021 г.), в частности, предусмотрено (Приложение № 40) государственное финансирование ряда НКО в объёме (соответственно по годам) 3,2, 2,7 и 2,8 млрд руб. по направлениям деятельности [20].

Расширение спектра силовых невоенных мер и средств Запада в отношении России с 2014 г. в виде самого разного рода санкций привело к ответным действиям с российской стороны, прежде всего в области импортозамещения, которое имело в целом положительное значение не только для развития российского ОПК, но и для её экономики, промышленной и социальной политики. Их эффективность косвенно подтвердила реакция США и стран ЕС, которые вдруг стали жаловаться на политику импортозамещения.

Так, в декабре 2021 г. офис торгового представителя США (USTR) упрекнул Москву якобы в расши-

¹⁹ Подберёзкин А. И. Современная военная политика России. В 2 томах. Ч. 2. Обзор современного этапа военной политики России. М.: МГИМО-Университет, 2017.

²⁰ О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023–2024 годов, 24 ноября 2021 г. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070016?index=4694&rangeSize=>

* В данном случае это институты (государственные и общественные) развития национального человеческого капитала. (Подберёзкин А. И., Боброва О. В. Средства противодействия силовым инструментам, направленным на подрыв основ государственности Российской Федерации. М., 2021).

рении государственного контроля над экономикой из-за программы импортозамещения. Власти США выразили обеспокоенность тем, что «Россия продолжает принимать и реализовывать меры по локализации, чтобы предоставлять льготы как товарам, так и услугам отечественного производства».

Как отметил в беседе с «Известиями» зампред комитета Совета Федерации по экономической политике И. Абрамов, подобные заявления со стороны США являются верхом лицемерия. Он напомнил, что именно Вашингтон первым ввёл санкции и нарушил нормы ВТО.

Подобные признания США и стран ЕС означают только одно: в условиях нарастающего силового противоборства, когда элементы сотрудничества уходят всё дальше в прошлое, Россией избрана верная стратегия. Пусть с опозданием и ошибками, но эта стратегия национального развития и безопасности в конечном счёте исправит те катастрофические ошибки, которые были

допущены прежней стратегией, опирающейся на иллюзии международного сотрудничества и партнёрства.

Итак, точность и эффективность стратегии играет очень важную роль. При равенстве или неблагоприятном соотношении сил остаётся надежда на политическую волю и эффективную стратегию, которые при определённых условиях компенсировали недостаток ресурсов или союзников. Это положение исключительно важно для стратегии современной России, которая испытывает острый недостаток как первого, так и второго вида ресурсов. Остаётся, таким образом, политическая воля и эффективная стратегия, которые не раз приходили на помощь выдающимся военачальникам России Ф. Ф. Ушакову и А. В. Суворову, побеждавшим десятки раз при исключительно неблагоприятном для них соотношении сил.

Главная идея и современная стратегия силового противоборства

Любая стратегия предполагает выбор приоритетов: тщательное определение того, что важнее всего, и концентрацию усилий на достижимых целях.

Дж. Малган, специалист в области стратегии

Будущую эффективность стратегии во многом предопределяет её главная идея. История не раз демонстрировала, что неверная главная идея стратегии в итоге приводила к тому, что можно было выиграть все сражения, но проиграть кампанию либо даже войну. Главная идея – одно из

важнейших условий победы и «завоевание симпатий общественного мнения», о котором писал ещё Карл фон Клаузевиц. Именно эту цель он относил к одной из трёх важнейших целей войны, подчёркивая, что «бесконечно важен моральный подъём, создаваемый такими действиями» [21].

²¹ Клаузевиц К. фон. Принципы ведения войны / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2020. С. 190.

Но главная идея стратегии не может быть вне системы идей, т. е. вне идеологии. Даже в том случае, когда идеология запрещена или отрицается. В России длительное время так и происходило. Расчищалась дорога либерально-западнической идеологии до тех пор, пока в правящей элите не осознали, что придётся выбирать: либо ориентироваться на самостоятельную, национальную систему ценностей и интересы, либо по-прежнему слепо копировать чужие, заодно ориентируясь и на чужие национальные интересы, нормы и правила. Хотим мы это признать либо нет, но правящая элита к 2022 г. раскололась на две части, где первая определённо выбрала национальную систему ценностей (а, значит, и идеологическую систему, формирующую приоритеты), и другую часть, которая открыто (чаще скрыто) придерживается западно-либеральной системы ценностей и норм.

Это в полной мере относится к главной идее стратегии, где первая часть правящей элиты определённо выступила в пользу развития национального человеческого капитала и его институтов («сбережения нации») и укрепления государства, его институтов как средств достижения этой цели, а вторая – также определённо выбрала систему ценностей Дж. Байдена, провозгласившего (как и вся современная правящая элита Запада) высшими ценностями «демократию» и «нормы и правила», созданные этой «демократией».

Надо отчётливо понимать, что в правящей российской элите, где абсолютное большинство принадлежит конформистам и коллаборационистам, должен произойти качественный надлом, в результате которого она либо присоединится к патриотическому меньшинству, либо будет вынуждена открыто перейти на сторону противника. Это касается прежде всего политико-идеологического плана, потому что вызов – бескомпромиссный и жёсткий – брошен не только В. В. Путину, но и той части общества и элиты, которая следует за ним. И вызов этот будет выражаться идеологически отношением к главной идее национальной стратегии, т. е. в выборе – национальное развитие и суверенитет («сбережение нации» и безопасность) или «демократия» и «нормы и правила Запада».

Именно поэтому важна прежде всего политическая идеология, расставляющая идеи, ценности и интересы в соответствии с избранными приоритетами. Это чётко понимают на Западе, в частности в США, где самое главное значение придаётся «общим стратегическим приоритетам» («демократии» и «образу жизни»), а затем только собственно стратегии национальной безопасности и военной стратегии*. Вообще вся политика Дж. Байдена в 2021 г. была насквозь идеологизирована – от отношений с республиканцами и конгрессом до отношений с союзниками и Россией, апогеем чего

* Именно в такой последовательности действует администрация Дж. Байдена, которая в марте 2021 г. опубликовала «Общие направления стратегии национальной безопасности США», пообещав закончить её формирование только в 2022 г. (Interim National Security Strategic Guidance. Wash., March 2021. P. 1).

стали обещанные им ещё при вступлении в должность «всемирное демократическое совещание» и новый этап пропагандистской компании против России по поводу её «агрессии» против Украины.

В России в 2021 г. произошли значительные изменения в восприятии современных реалий правящей элитой страны и разработке национальной стратегии, которые, к сожалению, не нашли соответствующего значительного отклика в СМИ. Такой главной идеей современной стратегии нации и государства может быть (и наконец-то стало) опережающее развитие национального человеческого капитала и его институтов [5].

Таким образом, на внутривнутриполитическую повестку дня в России выходит тема, которой тщательно избегали последние десятилетия, – идеология. Точнее, какая национальная идеология может быть у России. Тема отнюдь не новая.

Автор не раз пытался в начале 90-х годов привлечь внимание правящей элиты к этой проблеме, которая могла бы быть сформулирована так: какая идеология нужна посткоммунистической России?*

Ельцин даже поручил своему помощнику Г. Сатарову «создать такую идеологию». Тот собрал все предложения и сделал их обзор, фактически отказавшись от какой-либо творческой работы просто потому, что на самом деле такая идеология – либерально-западническая – уже была у правительства Е. Гайдара и правительственной партии

«Выбор России», объединившей практически всех либерал-демократов того времени.

Правящей либеральной группировке не хотелось прямо ассоциироваться с западными либералами идеологически, поэтому была придумана версия, в соответствии с которой «в развитых странах всё есть (как в Греции), включая идеологию». Создавать свою, «кустарно-посконную», «сермяжно-примитивную», не надо. На этом идеологическая дискуссия затихла, и было признано, что «идеология не нужна».

Между тем запретить идеологию, как и идеологические системы, невозможно, так как она занимает исключительно важное место в формировании стратегии государств, являясь системой приоритетов и ценностей, существующей у разных политических субъектов [22]. Следствием запрета идеологии был запрет на разработку стратегии, более того, стратегическое планирование и стратегическое прогнозирование, без которых развитие государства, экономики и общества стало уже невозможным.

Судите сами: если вы принимаете военно-технические программы, рассчитанные на 20–35 лет, то вы просто обязаны прогнозировать и планировать развитие субъектов ВПО в мире и как минимум основные параметры собственной экономики и демографии. Поэтому попытки стратегического прогноза и планирования

²² Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война. Против Апиона. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2019. С. 1278.

* С начала 90-х годов и до последнего десятилетия XX в. автор со своими коллегами из РАУ-Корпорации издавал большими тиражами работы, посвящённые этой теме, например: «Национальная доктрина России» (совместно с коллективом генерала армии Ф. Д. Бобкова), 1993 г.; «Современная русская идея и государство», 1994 г.; «Стратегия национальной безопасности России», 1994, 1995, 1996 и т. д.

в России, возобновлённые с начала нулевых годов, оказались безрезультативными: простая экстраполяция «трендов» и тенденций, рассчитанная по простым математическим моделям, регулярно заканчивалась провалами, среди которых самыми крупными были в области социального-экономического прогнозирования и планирования начиная с 2008 г. Естественно, что и попытки планировать в области развития ОПК и ВС, как правило, были такими же безрезультативными.

Так происходило фактически до тех пор, пока в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (ещё в варианте декабря 2015 г.) не появились самые первые стратегические приоритеты, обоснованные интересами национального развития и безопасности. Однако этот процесс «идеологического выздоровления» затянулся. Причиной этому стало то идеологическое запустение, которое возникло с кампании КПСС против идеологии под руководством её ведущих идеологов, а завершилось захватом власти в 1991 г. узкой группой либералов-западников при лидерстве Ельцина.

Со времён А. Н. Яковлева, объявившего фактически официальную кампанию «деидеологизации идеологии», она превратилась в самую запретную тему в политическом дискурсе современной России. Запретная, немодная или как минимум замалчиваемая, так как она создаёт реальную угрозу либеральному господству [23].

По самым разным причинам в России до сих пор существует запрет на идеологию. Сначала потому, что считалось, что победила и должна существовать только либеральная идея, затем (когда та окончательно себя дискредитировала) – некий абстрактный «прагматизм», который на самом деле очень похож на конформизм и простое обывательское стремление к благополучию, получившее даже в нормативных документах благозвучное определение «комфортное существование». В этом смысле идеология прагматизма отражает интересы тех социальных групп, которые получили желаемое от происходящих перемен в мире и России. Прежде всего конформистов и коллаборационистов [24].

Прагматизм – альтернатива стратегии, потому что он ориентируется на сиюминутные результаты, которые, как правило, не имеют долгосрочных последствий, и на людей (политиков и чиновников), которые не заинтересованы в долгосрочных результатах. Прагматизм – удобное обоснование отсутствия способности или желания к стратегическому прогнозу и планированию государственного и национального развития, т. е. эффективной стратегии государства, а кроме того, отказ от участия в реализации стратегии больших масс людей, что изначально делает её нежизнеспособной.

Как справедливо отмечает ведущий эксперт по стратегиям государств Дж. Малган, «необходимо, чтобы долгосрочные планы предполага-

²³ Боброва О. В., Подберёзкин А. И. Политико-правовое противодействие подрыву основ государственности России // Обозреватель–Observer. 2021. № 10.

²⁴ Подберёзкин А. И., Боброва О. В. Средства противодействия силовым инструментам, направленным на подрыв основ государственности Российской Федерации. М., 2021.

ли всеобщее участие, ибо стратегии одного министерства или стратегического отдела недостаточно...» [25].

Стоит отметить, что от идеологии отказались, как оказалось, только в России. Ни в Китае, ни на Западе, ни тем более в исламском мире никому не пришло в голову заменить систему представлений о будущем нации примитивным прагматизмом. Там идеология осталась, как и во времена Коминтерна, мощным политическим средством влияния, оружием. Как справедливо отмечено в одном исследовании, «мировой тренд сегодня – это снижение роли и веса политического формата управления поступками людей через их сознание... Происходит перераспределение фокусов управления в пользу идеологического формата. Особенно эта тенденция усилилась в условиях цифровой трансформации коммуникационного пространства и превращения знаний в общедоступную в реальном времени субстанцию» [26].

Во второй половине 2021 г. процесс эскалации военно-политического противоборства, усиленно подталкиваемый в последние годы Западом, был в ещё большей степени активизирован всплесками радикальных «непримиримых» идеологических заявлений, которые отражали интере-

сы вполне конкретных политических субъектов мировой политики. Их допустили не только традиционные провокаторы из Восточной Европы и Прибалтики*, а также Украины, но и Дж. Байден и даже А. Меркель, которая не случайно обронила в одном из прощальных интервью, что она «ещё двадцать лет назад осознала наличие серьёзных разногласий с Владимиром Путиным. Российский лидер, выступая в Бундестаге, говорил о распаде СССР как о печальном событии, Германия же ощущала радость от окончания холодной войны» [27]. По её мнению, В. В. Путин должен был радоваться распаду СССР.

Идеология «анти-России» объединила интересы самых разных субъектов. Эта же идеология стала фундаментом для дальнейшего развития антироссийской стратегии Запада.

В последние годы всё актуальнее и привлекательнее в общественном сознании части правящей элиты страны возникают идеи возрождения в том или ином виде Российской империи и политической системы, основанной на авторитаризме. Признётся, например, что создание СНГ было шагом назад, а не вперёд в развитии России, актуализируются разные исторические аналогии – от Ивана III до «царя-кесаря» – императора Петра I.

²⁵ Малган Дж. Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под научн. ред. Я. Охонько. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.

²⁶ Андрейченко Н., Реус А. Апология идеологии, или Антидогматика // Независимая газета. 2017. № 231 (7138). 24 октября.

²⁷ Прощальное интервью А. Меркель. 22 октября 2021 г. // URL: <https://projekte.sueddeutsche.de/artikel/politik/das-grosse-abschiedsinterview-mit-angela-merkel-e623201/?reduced=true>

* В сентябре-октябре крайне резкие высказывания самых разных представителей «молодых демократий», а также ЕС и НАТО стали ежедневной нормой, что наводит на мысль об искусственной пропагандистской кампании.

Действительно, у империи, где основная идея, как у Петра I, была служение государству, много привлекательных черт. В особенности на фоне провала «демократического проекта» в России. Империя представляется не только исторической традицией России, но и формой её существования и развития, которая во все периоды – от Московского царства до СССР – доказала свою эффективность.

Но главное то, что с точки зрения стратегии и стратегического планирования (в том числе «Основ») империя представляется гораздо более эффективной, чем федеративная Россия, и тем более рыхлый, «независимый» СНГ.

В этой связи весьма интересна мысль З. Бжезинского, высказанная им в отношении американской империи в хрестоматийной работе: «Америка стоит в центре взаимозависимой Вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно Вашингтона, округ Колумбия» [28].

На этом фоне взвешенные и традиционно примирительные идеологические комментарии С. В. Лаврова, апеллирующие к прагматизму в государственной политике, прозвучавшие, например, на ассамблее СВОП (ноябрь 2021 г.), выглядели как-то слишком умиротворённо. Они говорят о тактике, а не о стратегии, о дипломатии, а не о долгосрочном политическом курсе.

Во всяком случае, вплоть до выступления В. В. Путина на Валдайском форуме (ноябрь 2021 г.), где он провёл «красные линии» в отношении системы национальных ценностей и интересов России, сказав: «В современном хрупком мире значительно возрастает важность твёрдой опоры, моральной, этической, ценностной. По сути, ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный. ...Попытки ценностного диктата в условиях неопределённых и непредсказуемых перспектив ещё больше осложняют и без того острую ситуацию и влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат... мы полагаем, что должны опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа» [29].

Это заявление В. В. Путина означает многое, но отнюдь не ведёт пока что к изменениям в долгосрочном политическом курсе страны, ориентированном на «традиционное» политическое взаимодействие, где основными принципами и методами остаются политические средства, понимаемые в США как взаимодействие с «центром Вселенной» в Вашингтоне. Тем более оно не нашло ещё отражения в изменении внешнеполитической стратегии государства, которая остаётся, по сути, той же, что и была последние пять лет, с поправками на частные изменения в СНБ последней редакции июля 2021 г.

²⁸ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2020. С. 54.

²⁹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>

Библиография • References

- Алексашин А. А., Гарбук С. В., Губинский А. М. Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. М.: Издательство Московского университета, 2011. – 238 с.
- [Aleksashin A. A., Garbuk S. V., Gubinskij A. M. Rossijskij oboronno-promyshlennyj kompleks: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. – 238 s.]
- Андрейченко Н., Реус А. Апология идеологии, или Антидогматика // Независимая газета. 2017. № 231 (7138). 24 октября.
- [Andrejchenko N., Reus A. Apologiya ideologii, ili Antidogmatika // Nezavisimaya gazeta. 2017. № 231 (7138). 24 oktyabrya]
- Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. Оценка и прогноз развития стратегической обстановки и военной политики России. М.: Юстицинформ, 2021. – 768 с.
- [Bajguzin R. N., Podberyozkin A. I. Politika i strategiya. Ocenka i prognoz razvitiya strategicheskoy obstanovki i voennoj politiki Rossii. M.: YUsticininform, 2021. – 768 s.]
- Бёрнс У. Невидимая сила: Как работает американская дипломатия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2021. – 323 с.
- [Byornis U. Nevidimaya sila: Kak rabotaet amerikanskaya diplomatiya / per. s angl. M.: Al'pina Pablisher, 2021. – 323 s.]
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2020. – 384 с.
- [Bzhezinskij Z. Velikaya shahmatnaya doska. M.: AST, 2020. – 384 s.]
- Боброва О. В., Подберёзкин А. И. Политико-правовое противодействие подрыву основ государственности России // Обозреватель–Observer. 2021. № 10. С. 15–25.
- [Bobrova O. V., Podberyozkin A. I. Politiko-pravovoe protivodejstvie podryvu osnov gosudarstvennosti Rossii // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 10. S. 15–25]
- Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>
- [Zasedanie diskussionnogo kluba «Valdaj» 21 oktyabrya 2021 g. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>]
- Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война. Против Апиона. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2019. – 1279 с.
- [Iosif Flavij. Iudejskie drevnosti. Iudejskaya vojna. Protiv Apiona. Polnoe izdanie v odnom tome. M.: Al'fa-kniga, 2019. – 1279 s.]
- Клаузевиц К. фон. Принципы ведения войны / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2020. – 220 с.
- [Klauzevic K. fon. Principy vedeniya vojny / per. s angl. L. A. Igorevskogo. M.: Centrpoligraf, 2020. – 220 s.]
- Лукин А. В. Коммунистический Китай – новая цивилизация? // Россия в глобальной политике. 2021. 23 ноября // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kommunisticheskij-kitaj/>
- [Lukin A. V. Kommunisticheskij Kitaj – novaya civilizaciya? // Rossiya v global'noj politike. 2021. 23 noyabrya // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kommunisticheskij-kitaj/>]
- Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Ильин Н. И., Сушко Е. Д. Моделирование и оценка национальной безопасности России // Экономические стратегии. 2020. Т. 2. № 5. С. 6–23.
- [Makarov V. L., Bahtizin A. R., Il'in N. I., Sushko E. D. Modelirovanie i ocenka nacional'noj bezopasnosti Rossii // Ekonomicheskie strategii. 2020. T. 2. № 5. S. 6–23]

- Малган Дж. Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под научн. ред. Я. Охонько. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. – 468 с.
- [Malgan Dzh. Iskusstvo gosudarstvennoj strategii: mobilizaciya vlasti i znaniya vo imya vseobshchego blaga / per. s angl. YU. Kapturevskogo; pod nauchn. red. YA. Ohon'ko. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2020. – 468 s.]
- О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023–2024 годов, 24 ноября 2021 г. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070016?index=4694&rangeSize=>
- [O federal'nom byudzhete na 2022 god i na planovyy period 2023–2024 godov, 24 noyabrya 2021 g. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070016?index=4694&rangeSize=>]
- Подберёзкин А. И. [и др.]. Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии М.: Международные отношения, 2017. – 357 с.
- [Podberyožkin A. I. [i dr.]. Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiya otnoshenij mezhdru lokal'nymi civilizacijami v Evrazii M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017. – 357 s.]
- Подберёзкин А. И. Современная военная политика России. В 2 томах. Ч. 2. Обзор современного этапа военной политики России. М.: МГИМО-Университет, 2017. – 978 с.
- [Podberyožkin A. I. Sovremennaya voennaya politika Rossii. V 2 tomah. CH. 2. Obzor sovremennogo etapa voennoj politiki Rossii. M.: MGIMO-Universitet, 2017. – 978 s.]
- Подберёзкин А. И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2018. – 1596 с.
- [Podberyožkin A. I. Sostoyanie i dolgosrochnye voenno-politicheskie perspektivy razvitiya Rossii v XXI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. – 1596 s.]
- Подберёзкин А. И., Александров М. В., Харкевич М. В. [и др.]. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам. М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.
- [Podberyožkin A. I., Aleksandrov M. V., Harkevich M. V. [i dr.]. Mir v XXI veke: prognoz razvitiya mezhdunarodnoj obstanovki po stranam i regionam. M.: MGIMO-Universitet, 2018. – 768 s.]
- Подберёзкин А. И., Боброва О. В. Средства противодействия силовым инструментам, направленным на подрыв основ государственности Российской Федерации. М., 2021. – 88 с.
- [Podberyožkin A. I., Bobrova O. V. Sredstva protivodejstviya silovym instrumentam, napravlennym na podryv osnov gosudarstvennosti Rossijskoj Federacii. M., 2021. – 88 s.]
- Подберёзкин А. И., Родионов О. Е. Институты развития национального человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель-Observer. 2021. № 7. С. 33–48.
- [Podberyožkin A. I., Rodionov O. E. Instituty razvitiya nacional'nogo chelovecheskogo kapitala – al'ternativa silovym sredstvam politiki // Obozrevatel'-Observer. 2021. № 7. S. 33–48]
- Подберёзкин А. И., Султанов Р. Ш., Харкевич М. В. [и др.]. Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналит. доклад. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 167 с.
- [Podberyožkin A. I., Sultanov R. SH., Harkevich M. V. [i dr.]. Voенно-politicheskie aspekty prognozirovaniya mirovogo razvitiya: analit. doklad. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 167 s.]

- Прощальное интервью А. Меркель. 22 октября 2021 г. // URL: <https://projekte.sueddeutsche.de/artikel/politik/das-grosse-abschiedsinterview-mit-angela-merkel-e623201/?reduced=true>
- [Proshchal'noe interv'yū A. Merkel'. 22 oktyabrya 2021 g. // URL: <https://projekte.sueddeutsche.de/artikel/politik/das-grosse-abschiedsinterview-mit-angela-merkel-e623201/?reduced=true>]
- Путин В. В. Совещание по социальным вопросам. 18 ноября 2021 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67124>
- [Putin V. V. Soveshchanie po social'nym voprosam. 18 noyabrya 2021 g. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67124>]
- Свечин А. А. Стратегия. М.: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2002. – 860 с.
- [Svechin A. A. Strategiya. M.: Akademicheskij Proekt; Zhukovskij: Kuchkovo po-le, 2002. – 860 s.]
- Сталин И. Вопросы ленинизма. Издательство одиннадцатое. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 655 с.
- [Stalin I. Voprosy leninizma. Izdatel'stvo odinnadcatoe. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952. – 655 s.]
- Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности» // URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/article/212/57/79/0001202107030001.pdf>
- [Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O strategii nacional'noj bezopasnosti» // URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/article/212/57/79/0001202107030001.pdf>]
- Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/67074>
- [Ukaz Prezidenta RF ot 8 noyabrya 2021 g. № 633 «Osnovy gosudarstvennoj politiki v sfere strategicheskogo planirovaniya v Rossijskoj Federacii» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/67074>]
- Что нужно знать о проекте бюджета РФ на 2022 год // ТАСС. 2021. 28 октября // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12473723>
- [CHto nuzhno znat' o proekte byudzheta RF na 2022 god // TASS. 2021. 28 oktyabrya // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12473723>]
- Шутов А. Отношения с США: слякоть, а не оттепель // ТАСС. 2021. 15 ноября // URL: <https://tass.ru/opinions/12923969?from=teaser>
- [SHitov A. Otnosheniya s SSHA: slyakot', a ne ottepel' // TASS. 2021. 15 noyabrya // URL: <https://tass.ru/opinions/12923969?from=teaser>]
- Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб.: Алетея, 2019. – 434 с.
- [SHtol' V. V. Rossiya i Zapad: nesostoyavshijsya al'yans, ili Protivostoyanie kak neizbezhnost'. SPb.: Aleteya, 2019. – 434 s.]
- Interim National Security Strategic Guidance. Wash., March 2021. – 24 p.
- Rabin, A., Davis L., Geist E., Yan E. The Future of the Russian Military. Report. RAND Corporation, 2019.
- <http://kremlin.ru/events/president/news/67123>

Статья поступила 26 декабря 2021 г.